

ПЕРЕЛАДОВА ОЛЬГА

Туркменский десант – что это такое?

- [Переезд выпускников дружин по охране природы в заповедники Туркмении на постоянное место жительства с целью реализации своих природоохранных замыслов;](#)

В значительной степени – да, но мы все-таки не представляли себе, что это будет переезд «на совсем» - корни оставались в Москве, и мы сохраняли все технические и юридические возможности возвращения (что и получилось в итоге). Вопросы прописки в Советское время были очень важными, у нас уже был ребенок – и сознательно ориентироваться на то, что мы лишаем его (а в дальнейшем – их, детей) всех возможностей, которые дает Москва – в первую очередь в плане образования – мы считали не правильным. Поэтому ехали не совсем на ПМЖ – а временно – именно поработать.

- [Создание системы территориальной охраны природы силами единомышленников;](#)

Да – но осознание этой идеи пришло гораздо позже. В тот период, когда мы ехали, эта идея еще никому не приходила в голову, так как просто образовался второй новый заповедник в Туркмении – набирали штат. То, что это может быть система заповедников – и на их базе – система территориальной охраны - «родилось» в процессе работы, как в самом нашем заповеднике, так и в процессе создания все новых заповедников в разных природных зонах. Какие-то элементы этой идеи родились не у дружинников – а у Н.Б. Андреева, А.В. Скалона, и далее были именно для заповедников разработаны Святославом Забелиным – а в организационном плане подхвачены и развиты Михаилом Бляхером.

- [Любая природоохранная деятельность членов студенческих дружин по охране природы на территории Туркмении;](#)
- [Работа выпускников ДОП в системе заповедников Туркмении;](#)

Эти два пункта разделить не могу – да, как выпускник ДОП хотела поработать в заповеднике с ориентацией на профессиональную (как зоолога) и природоохранную деятельность. Совмещение этих направлений – сохранение и восстановление редких видов – что я и начала делать в Туркмении, и чем, в результате, занимаюсь всю последующую жизнь.

- [Отсебятина.](#)

Ну и это тоже, конечно – личные мотивы. Семья (в полном масштабе) была не простая, с достаточно сильным давлением со стороны старших дам – и важно было построить свою жизнь так, как это нам представлялось правильным. В Москве, при старших это было практически не реально – хотя уже были не «зелеными» (в плане возраста и опыта, а не социальной позиции)...

Цели Туркменского десанта:

- Их не было, просто ехали работать туда, где брали;

Брали меня много куда – уже к этому времени наработала некоторый авторитет, как специалист. Никогда не забуду, как в сентябре 1979, в экспедиции в Сихоте-Алине, когда уже было решение о переезде в Туркмению – собственно, Сергей уже туда уехал - на меня «наезжали» и лесники и начальство: «Куда тебя несет? К нерусям.... Давай к нам!».

- Совместная природоохранная деятельность единомышленников как самоцель;
- Воспроизведение принципов работы ДОП на профессиональном уровне;

Пожалуй, это (и то, и другое) было очень важным компонентом цели переезда. Опять – эти два пункта разделить не могу.

- Создание единой системы ООПТ Туркмении;

Этого вначале, как цель, не было – возникло позже, в процессе создания новых заповедников и развития этой самой системы. С другой стороны, как профессионал, и в годы постоянной работы в Туркмении, и все последующие – до сих пор! – вложила очень много сил в эту систему. Сначала – чисто как копытник: как одну из очень немногих на тот период кандидатов наук в штате заповедников – и единственного кандидата-копытника, меня от Министерства попросили курировать всю работу по копытным, что создало много «связок» между разными заповедниками – и личных, и связанных с практическими работами по реинтродукции видов.

- Формирование коллектива профессиональных природоохранников, прошедших школу ДОП;

Не мое – я с коллективом работала – но его не формировала, разве что для кого-то именно моя работа стала стимулом и примером (см. п.6).

- Формирование новой формы природоохранного движения как продолжения работы ДОП;

Тоже не мое.... Это именно работа Святослава – что и превратилось в создание СОЭС.

- **Отсебятинна.**

Мы тогда – первые годы по крайней мере – не воспринимали наш переезд в Туркмению и работу там как явление, как «десант», имеющий определенные цели. Работали – общались с друзьями и коллегами – рассказывали о задачах, возможностях, опыте – трудностях. Кого-то заражали своей заинтересованностью в деле. Ну а дальше – что получилось.

Персоналии. Туркменский десант – это в любом случае конкретные люди. У каждого из них был свой путь до десантирования, во время его и после того, поэтому все приведённые ниже вопросы обращены персонально к каждому участнику событий.

1. Анкетные данные:

- **ФИО:** Переладова Ольга Борисовна
- **Какой вуз закончили и когда:**

Биофак МГУ им. Ломоносова, кафедра зоологии позвоночных – окончила в 1975 году.

- **В кой ДОП состояли;**

Соответственно ДОП Биофака (1972-73 – два года – зам. командира Дружины, в период когда командиром был Иван Воробьев), позже – уже в аспирантуре – член Молодежного Совета дружин МГУ.

- **Профессиональные интересы**

Базовые – и сохранившиеся до сих пор -полевой зоолог – поведение, биоакустика, экология, охрана и восстановление редких видов. Основное – копытные, но работала с сурками, и с хищными... Ну а дальше см. пункт б...

- **Ещё что-то....(та же отсебятинна)**

Сначала – именно поведение и биоакустика – для осуществления которой сначала надо было стать строительным прорабом. Заповедник-то создали, растительность там прекрасная, уникальная – именно растительные комплексы были основной целью создания заповедника, чему были посвящены многолетние усилия директора ВИР Ольги Фоминичны Мизгиревой. Мелкое зверье и птицы – все это было – а вот «мой» крупняк надо было восстанавливать, на период создания заповедника «козлы/бараны» в горах встречались единично. Так что их надо было просто

находить – а не исследовать для начала. Потом – все больше – охрана и восстановление – сначала только у нас (джейраны в первую очередь), потом – по всей Туркмении (кулан). Я сама куланов не перевозила, конечно – хватало команд ловцов, сотрудников в самих заповедниках – но министерство меня с консультациями привлекало по вопросам по всей стране. Предлагали перейти в Бадхыз – «рай копытных», или возглавить новый питомник, который организовывал Анвер Киюшевич Рустамов в Гяурсе – но отказывалась - уж где начала, там и работала. Очень ценной была связь с УН Туркмении – и персонально с Агаджаном Гельдыевичем Бабаевым (Президент АН Туркменистана в то время) – который нам очень помог в подготовке и публикации первых томов трудов сотрудников заповедника.

Так это потом и переросло в основную работу - до настоящего времени – сохранение, восстановление редких видов и их местообитаний – и по всей Средней Азии.

2. Когда, откуда и куда (заповедник, населённый пункт и т.п.) прибыли в Туркмению.

Приехала в Кара-Калу – Сюнт-Хасардагский заповедник – в конце марта 1980 г. – из Москвы, после окончания аспирантуры и защиты (1 марта 1980 г.) кандидатской диссертации, с 4-летним сыном. Сергей Переладов приехал осенью 1979 и первые полгода жил там без меня – так сложились обстоятельства у него на работе, надо было увольняться и переходить – а осенью еще уехать не могла – надо было довести до конца аспирантуру и защититься.

3. В Туркмению приехали сразу после окончания вуза, или ещё где-то до этого работали.

Как видно из предыдущих ответов – после окончания МГУ была в аспирантуре, которую успешно окончила и защитилась. Но трудовую книжку завели в Сюнте.

4. Кто «виноват» в переезде в Туркмению? Имеется ввиду человек или группа людей, которые оказали решающее влияние на принятие решения о переезде в заповедник Туркмении.

Для нас с Сергеем Переладовым, безусловно, это был Святослав Забелин, который вместе с Ниной и детьми туда уже собирался (и переехал раньше нас). Он, в свою очередь, рассказал о Николае Борисовиче Андрееве, который в это время уже был директором только что созданного

заповедника, и к которому уже начали приезжать специалисты из Питера, Новосибирска, Ташкента – не имевшие отношения к Дружинам. Это был своего рода «научный десант» - идея собрать реально сильный научный отдел заповедника.

5. **Какие события или ситуации, если таковые имели место быть, сподвигли на переезд?**

Никаких особых событий у меня не было, кроме тех побуждающих мотивов (профессиональных и семейных), которые уже изложены в общей части. Наоборот, для многих было удивительным – если не сказать шокирующим – мое решение уехать – благополучная московская «фифа» из очень благонадежной по понятиям того времени семьи. Саша Скалон (тогда зам. Сюнта по науке), с которым мы в Москве до отъезда в Туркмению встречались (Святослав познакомил-привел к нам на Остроумовскую) сделал вывод, что берут нас, конечно, но вряд ли приживемся. Посмотрев на меня первые двое суток после моего приезда (поселились туда, где уже жили все вместе – в Микрорайоне – так что видно было весь процесс приведения общего жилья в жилое состояние) – сказал – «Это не женщина – это цунами». Так что дальше удивления и сомнений в том, что «приживемся» - не было.

6. **Чем занимались в составе десанта – формальные неформальные обязанности, увлечения.**

Еще раз повторяю – когда уже пошла достаточно массовая волна дружинников из разных городов – это превратилось в «десант». А мы в первую очередь просто работали. Святослав при этом поддерживал активную связь с дружинами и дружинниками – что и привело, по-видимому, к превращению набора в заповедники Туркмении молодых заинтересованных сотрудников – выпускников дружин – в такое явление, которые мы теперь называем «Туркменским десантом».

Первыми из дружинников, приехавшими в Туркмению, были **Свет с Ниной Забелины**, потом мы с Сергеем Переладовым (причем и Свет и я уже кандидатами наук – а не выпускниками «по призыву»). А уже потом – **сначала в Сюнт к Свету** – приехал Миша Бляхер, Валя Бурдакова, Коля Сухомлинов, ну и далее. Миша довольно скоро переехал в Ашхабад – перешел в Министерство – и далее, работая в отделе заповедников – а заповедники открывались новые! (в отличие от Красноводска и Репетека) – был «призыв» и набор сотрудников – дружинников в научные отделы – получился «десант». Никогда не забуду, как, уже уехав из Сюнта с пмж по семейным причинам (подробнее в соответствующем разделе) – приехала в

командировку в экспедицию в только что открывшийся Амударьинский заповедник, еще в Фараб. Жили ребята все в одной комнате плюс в вагончике, меня на ночевку отправили в вагончик. Причем уже поженившиеся Паша Олимпиев с Катей ютились на своем матрасе то ли просто в углу комнаты, то ли за какой-то шторочкой... Посидели очень душевно – вытащили они 2 гитары (Салтыков и Олимпиев - до моего приезда не пели, по их словам, ни разу!) – попели, поговорили. Пашина «Нам с сестренкой какую, наша мама на юг улетела недавно...» стала с тех пор любимой песней моих детей. Меня поразило, что они рассказали, что решили уехать в Туркмению, услышав наше – Сянтонцев, в том числе мое – интервью. Я в упор не помню (и тогда не помнила), чтобы такое интервью давала, не было идеи «призывов» ну вот совсем. Может поэтому такое впечатление и произвело на ребят.

А мы, кроме основной профессиональной работы – в которую у меня входила в значительной степени консультационно-организационная роль по работе с копытными по всей Туркмении – занимались приемом бесконечного потока специалистов из разных городов/стран, студентов на практику – одиночек и группами, и – немаловажно – поддержанием отношений внутри нашего сообщества. Ведь все время, которые я прожила в Кара-Кале – мы жили коммуной – ВСЕ, кто жил в «Микрорайоне». Она комунна) состояла в разные периоды из 4 -8 социальных единиц (семей-пар-одиночек – с детьми и без детей. И через эту коммуну прошли десятки людей – как вошедших в состав «десанта» - так и не имеющих к дружинам отношения- гостей наших сотрудников, молодых «десантников», которые потом обзаводились более независимым жильем и продолжали работать в Сянте, уезжали в другие заповедники и др. Ну а чем занималась неформально?

- Например, лечила... Сколько я наших (и взрослых и детей) – и детей соседей переколола жуткими многократными шприцами со ставшими тупыми от многократного употребления иглами, которые приходилось кипятить в соленой воде, дававшей сильнейшую накипь, забивавшую просвет игл. Галка Нешатаева приезжала ко мне колоться из Айдере, Наташка Денисенко – с Пархая. А все соседи прибежали: «у Даурана температура!»...
- Шила... В основном конечно своей семье, себе платья – но не только. Валя, помнишь свое голубое свадебное платье?
- Входила в «народный контроль». Пересчитать 1300 гюрз у Бабаха не соглашался никто из Туркмен.

- В качестве «хобби» вела круглогодичный цикл записи голосов шакалов – в пойме Сумбара, на Пархае и вокруг Шывлан-Баба. На Шывлан я ходила и с новорожденной дочкой (первый раз – когда ей было 2 недели – это километров 10 от нашего микрорайона, где мы жили) - там шакалята играли у меня на глазах, но временами их вспугивал «местный» леопард, заходя на границу своего участка.
- А «штатно» занималась питомником джейранов – сначала строили (причем «построить») надо было и вольеры – и работников, чтобы делали то, что надо – и в нормальном рабочем режиме. Например, чтобы заготовка корма шла в нужных объемах – надо было отобрать у сотрудников косу и накопить дневную норму самой у них на глазах. Потом ловили – привозили – выпаивали джейранят, первое время живя просто на топчане около вольер (вместе с новорожденной дочкой) - иначе не набегаешься -6-7 раз в день стерильным кормить за 7 км....
- ну и т.д., и т.п....

А еще, конечно, «единая система заповедников» приводила к тому, что кроме неформальных консультаций, к нам приходили и летописи и летописи других заповедников на формальные отзывы. Никогда не забуду первую летопись Капланкырского («десант» еще не приехал в этот период!). К редакторам: постаралась сохранить написание – в нем, в значительной степени – основной колорит!

«Мелекопитающиеся:

Китообразные – в Капланкыре не встречаются....

Копытные: – Джейран. Красивый звер. Ноги длинный, тонкий, копыта мааленький, острый. Сзадус имеет белый пятно».

А правила как летописи (свои!). При вычитке замазывали белым ошибку – и клеивали распечатанные отдельно и вырезанные буквы. Во всех экземплярах. Сколько мы со Светом и Ниной с этим просидели!

7. Продолжались ли связи с дружинами и дружинниками – бывшими и действующими? С какими именно, как долго?

С Дружинами практически нет, а вот с дружинниками – как и с недружинными Сунтовцами - продолжались и продолжают. Причем это может быть системная рабочая и постоянная человеческая связь – как было с Валей Марочкиной и Женей Агрызковым до Валиного ухода (очень для меня тяжелого...), сейчас с Женей общаемся по электронной почте, но редко. В Амударьинском – как и в других заповедниках Туркмении – не была давно –

проблемы с визами. Даже когда получала визу и прилетала на всякие встречи (последний раз в 2018) – то только в Ашхабад. Из наших, кто мог, на это время тоже в Ашхабад выбирался, чтобы встретиться. На самом деле, были очень трогательные моменты...

В силу того, что уехав из Туркмении, попала в лабораторию ВНИИ природы к В.Е. Флинту – оказалась ведущим специалистом по Средней/Центральной Азии, отвечающим за крупных млекопитающих (остальные 10 сотрудников, в основном мужиков – орнитологи....). При этом в этот период в масштабе СССР В.Е. Флинт по неофициальным согласованиям отвечал за природоохранную деятельность по птицам (и наука и практика), а А.Г.Банников – за копытных. Но Банников умер – вся природоохранная практика оказалась как бы у Флинта. А в лаборатории – в основном орнитологи. Далее понятно. И еще деталь – мне пришлось взять на себя функции ученого (и, «заодно» технического) секретаря Спецсовета по защите диссертаций (в то время позиция уже бесплатная). Пишу об этом не для того, чтобы рассказать о себе – а для того, чтобы показать основы для продолжения контактов с дружинниками и другими специалистами из заповедников – как продолжающими работать в них, так и переехавшими. Поскольку ВНИИ- природовский Совет быть чуть ли единственным, профильно принимавшим работы сотрудников заповедников – а денег на приезды в Москву у сотрудников было ооочень мало, то практиковался следующий формат. В основном подготовив диссер и автореферат, человек приезжал к нам, проходил официальную апробацию в лаборатории (до 4-5 часов – вылавливая всех возможных «блох» и обкатав максимальный возможный диапазон каверзных вопросов!) – публиковал автореферат с датами, рассылал (за месяц! до защиты). А дальше жил у нас во ВНИИ природа (часто – просто в спальнике во флигеле, между наших рабочих столов), дорабатывая доклад, плакаты, формы и пр. и др. Потом проходила защита, оформляли документы для ВАКА – и уже только тогда человек мог уехать. За мое секретарство через Совет прошло человек 40. ОЧЕНЬ способствовало поддержанию широких контактов! Ну и при этом продолжала работать профильно – и с Женей Агрызковым на кукурузнике над всей Амударьей пролетели, обследуя тугаи Амударьи, и дальше с Валеи-Женей в поле ездили. Они карточки на хлеб для экспедиции месяц копили... Но это не напрямую к десанту – хотя специфика жизни тех, кто еще в начале 90-ых в Туркмении оставался, очень показательная.

Ну а дальше – с 1996 начала работать с WWF – так что более плотно возобновились контакты практически со всеми заповедниками Туркмении – и, соответственно, со всеми находившимися там в этот период

«десантниками» - и с теми, кто уехал – но профессионально продолжал оставаться экспертом по региону (например, Сережа Букреев). С 1999 начались полевые проекты, я стала директором Центрально-Азиатской программы. Много работали с Лукаревским (он, как человек, сохранявший двойное гражданство – и специалист по хищным – был основным исполнителем наших проектов по леопарду), Валей Марочкиной и Женей Агрызковым, с остальными поддерживали периодическую связь. Основные проекты шли в Сунте, Копетдагском, Бадхызе и Амударьинском – но Женя Затока из Капланкыра включалась в образовательные компоненты наших проектов (как и Валя Марочкина – наряду с зоологической и антибраконьерской работой). А это – прямой путь внедрения мировоззрения Дружин в сознание очень широких слоев населения. Причем ситуация была такая, что когда победители конкурса лесников получали приз – мешок муки – люди плакали, им было чем месяц семью кормить! Так что помощь проектов была ограниченная – но она реально играла огромную роль. Те, кто жили в Туркмении в 80-ых помнят, как нас с выпечки угощали чуреком – в том числе очень бедные по нашим понятием туркменские семьи. Просто поделиться хлебом – святое, и знали, что нам это просто вкусно. А в 90-ых у меня просто сердце прихватывало, когда идешь мимо погран-отряда – а над забором выпрыгнул солдатик (18-летний пацан) и просит «Тетенька, дай хлебушка!»... Проекты шли до 2008-2010, потом прекратились по ряду причин (не место их тут обсуждать).

Поскольку работала – и работаю – по всей Центральной Азии – контактировала и контактирую и со многими разъехавшимися «десантниками» - и не-дружинниками Сянтговцами. Вплоть до давно уехавших в Америку Фета – Нешатаевой. Сейчас уже многих нет с нами, особенно близких людей в Узбекистане (из Сянтговских – Саша Филатов – «Бойцовый Кот». Из ВООПовцев – Юра Чикин – а мы с ним, в том числе с поддержкой наших проектов, «дожили» до «внучатых» кружковцев – когда ребята из наших биологически-природоохранных кружков доросли до возраста и уровня «молодежного движения» – и стали уже руководителями кружков). И эти потери - всегда личная боль...

Кстати, из «десантников» вместе со мной в WWF работали Слава Терлышкин (его уже, увы, нет) и Раис Сарваров (на каком-то этапе, увы, сменил жизненные приоритеты и «выпал» из нашего круга. Детали не для обсуждения.)

Причем надо заметить, что со многими нашими можем не контактировать по несколько лет, потом вдруг okazия, встречаемся – или даже просто связь по

телефону - и все равно - родные люди. Кстати, вот с Сашей Шаповаловым последний раз общались на зуме в октябре 2020 на заседании комиссии по лошади Пржевальского – все та же тема – восстановление редких видов.

Кстати, сейчас потихоньку и очень локально есть шанс часть работы в Туркмении возобновить. Хотя из десантников там остался, пожалуй, только Женя. А вот из старого штата сотрудников есть и другие люди - бывшие коллеги. И до меня периодически доходит «плач Ярославны» - там все ооочень не просто. Но координирует нашу (WWF) работу там Беченч Акмурадов. После окончания Лестеха начинал в Сюнте – а дальше, кто знает его историю – тот поймет.

8. **Период пребывания в составе десанта с точностью хотя бы до года, а лучше – до дня.**

До дня не скажу – а до месяца – март 1980 – март 1984. После этого продолжала ездить в Сюнт, а потом и в другие заповедники Туркмении – а потом и другие страны Центральной Азии – уже постоянно живя в Москве, но до 5-6 месяцев в году проводя в поле.

9. **С кем из десантников поддерживались дружеские и/или рабочие связи? Темы соприкосновения интересов и обязанностей.**

См. п.7. – как-то там все, в основном, написано.

10. **Причины отъезда из Туркмении, то есть выбытия из состава десантников – личные, субъективные, объективные и т.п.**

У меня причины отъезда были чисто личные – умер папа, остались две вдовы – мама и бабушка, обе сильно не здоровые – и я должна была быть с ними. Хотя уезжать очень не хотелось, отъезд был очень психологически болезненным, и без Кара-Калы до сих пор очень скучаю. С точки зрения последующего распада Союза – наверное, хорошо, что во-время уехали – я сохранила и сохраняю до сих пор возможность и контактировать с людьми, и работать в Туркмении.

11. **Оценка причин распада десанта – насколько это было неизбежно, можно ли было остановить распад?**

В основном в «десанте» участвовали молодые выпускники. Сочетание дружинной школы и идей, молодой запал, и свобода от семейно-бытовых обязательств. Ну а дальше все серьезно менялось. У кого-то семьи – здоровье- проблемы, в каком-то из коллективов – проблемы друг с другом - не все жили дружной коммуной, как мы в Сюнте первые 5 лет. И в Сюнте позже начались серьезные «наезды» друг на друга. Ну а уж в 90-ых – после

распада Союза – возникли и организационные проблемы. И политические. Кто-то просто уезжал, кто-то –убегал – начав коммерцию и попав «между молотом и наковальней» - местные подставили, или по каким-то другим причинам. Знаю достаточно таких историй, во многих принимала участие прямо или косвенно – но это пусть рассказывают те, с кем произошло, если сочтут нужным и возможным. Вопросы очень деликатные...

Ну и, после распада Союза, резко сократилось финансирование заповедников. Упали зарплаты, денег на работу не стало совсем, стали резко сокращать и штатные расписания – так что просто стало невозможно работать в тех составах и в таком качестве, как это делалось в период десанта – в 80-ые годы. Я уж не говорю про семьи, детей – обучение в Туркменистане, закрытие русских классов (а десант русскоязычный), и т.д., и т.п. Так что с моей точки зрения, остановить распад десанта в данных условиях при распаде Союза было в принципе невозможно.

12. Туркменский десант – это содружество единомышленников, или выполнение рабочих функций

Это неформальное содружество единомышленников, выполнявших рабочие функции, направленные на реализацию основной идеи – не просто вести какие-то темы, как штатные сотрудники заповедников – а выполнять свою работу плюс решать дополнительные задачи, стоящие перед заповедником (см. ниже – 14, 16) – и расширенно «внедрять» дружинное мировоззрение.

13. Роль вашего десантного периода в вашей судьбе.

Мне трудно переоценить роль этого периода в моей жизни. В значительной мере он определил меня, как самостоятельную личность, определил всю мою последующую работу, образ жизни и отношений с людьми. И до Туркмении у меня был опыт полевой работы – в том числе с Средней Азии (первое поле в Тигровой балке в Таджикистане в 1972, Узбекистан - Чаткал, Тува, Памир, Крым, Кавказ, Алтай, Дальний Восток, БАМ, и т.д....) – и, кроме собственно зоологической работы, получалось общаться с местными – даже бесконфликтно ездить на попутках (женская часть коллектива поймет, что это такое), но я в значительной степени оставалась «младшей в семье». Каракала помогла осознать себя – и как человека, и как природоохранника, и как зоолога.

14. Зачем это было, то есть функция десанта как объективной реальности.

Работа сформированных десантом научных отделов заповедников была направлена, кроме традиционных, на решение комплекса задач заповедников,

- как центров охраны природы всего региона, экологическим ядром которого этот заповедник является,
- как одного из комплекса заповедников Туркмении для сохранения и восстановления всего разнообразия ее природы
- находить механизмы для снижения уровня конфликтности между местным населением – истощительно использующим природные ресурсы – и решением задач охраны экосистем и видов.

В таком виде исходно эти задачи не формулировались, они оформлялись в мировоззрении десантников постепенно. Эту концепцию постепенно развивали и формулировали Н.Б. Андреев (он все формулировал исключительно устно, в разговорах – не писал совсем! Его конспектировать надо было), А.В. Скалон и Святослав Забелин. Чей приоритет, чьи формулировки были наиболее обоснованы и четко прописаны – сказать не берусь – горячих обсуждений и серьезных ссор по этому поводу было много. Но сейчас речь не о приоритете формулирования – а о концепции развития работы комплекса научных отделов системы заповедников Туркмении.

Кроме того, десантники играли огромную роль в налаживании собственно охраны заповедников – в традициях Дружин – при этом по возможности находя пути смягчения конфликтов, которые были очень острыми в ряде районов, так как население считало, что у них отобрали их земли. Примеры мне, конечно, проще приводить наши – Сяунтовские. Например, на границе нашего только что созданного заповедника было святое место – мавзолей Шывлан-Баба, где, кроме самого мавзолея, было три домика (со спальными принадлежностями, с посудой, с молельными кошмами), навес с крупной посудой, топчаны. Тут же был символический объект поклонения, прекрасный родник, 2-3 святые чинары и на склоне – арча, недалеко чуть ниже по склону – небольшое кладбище. И местные приходили сюда поклониться святому и помянуть предков. Естественно, после образования заповедника это стало проблемой. Райком предлагал нам Шывлан-баба снести – или, по крайней мере, полностью запретить свободный доступ местных – как и везде на территорию заповедника. Понятно, что это вызвало бы серьезное недовольство и, мягко говоря, нелюбовь к заповеднику. Но проблема была еще в том, что молодежь – ну совсем не религиозная – стала использовать домики Шывлана для пикников с выпивкой, что очень не нравилось старшим. И мы договорились со старейшинами, что охрана

заповедника НЕ ОРГАНИЧИВАЕТ традиционные посещения – с приготовлением еды, поклонением и посиделками, но не пускает туда резвящуюся молодежь. Нам даже одобрили использование двух домиков как полевой базы для наблюдений (чем я и пользовалась постоянно со своими шакалами!) – но просили не заходить в молельный домик и в сам мавзолей. Таким образом, вместо объекта раздора, Шывлан –баба стал одним из первых шагов налаживания отношений со старейшинами поселка.

15. Не жалеете о содеянном? Ведь жизнь в Туркмении для многих десантников была сложной, с бытовой точки зрения не устроенной, а порой и опасной (одно обилие ядовитых животных чего стоит).

Сначала ответ на вопрос – не жалею никогда и ни о чем. Наоборот – самые теплые воспоминания. А проблемы и трудности и тогда были на втором плане (хотя, конечно, было не просто), а с годами вспоминаются как специфический колорит нашей жизни, а не как проблемы, которые могли эту жизнь определять. Ну и люди, причем не только наши - сотрудники заповедника и Вировцы, и местные – например соседи, рядом с которыми мы жили. Так что жалеть о том, что там жили и работали – для меня невозможно. Кара-Кала осталась на всю жизнь моим местом на Земле.

Ядовитых животных было много, конечно – но укусы на моей памяти были только у змееловов. Все как-то очень быстро поняли как ходить – по траве, по склонам, как трогать камни – и не было укусов. Хотя один раз новорожденную (2,5 месяца) дочь чуть не положила на эфу – хотела лаборантке показать, как правильно взять джейраненка для приучения к соске. Т гюрза у меня под топчаном на Пархае жила, когда я с малышкой на этом топчане жила в период первых недель выпойки. Безопасность дочки обеспечивал сетчатый манеж, куда я ее клала уходя в вольер с бутылочками. И фаланга (сантиметров 10) к нам в квартиру в Микрорайон забежала – на вешалке я ее обнаружила. Взяла, тем, что попало под руку – кронцангами. А там на кончиках –зубцы. Проколола головугрудь. Положила ее в банку, накрыла стеклом, придавила камнем. Сказала Сергею, что вот такая прэлэстная добыча –пригодится для музея. Из нее содержимое вытекло уже в банке, потом засохло. А Серега банку на лоджию на полку поставил – на потом. И вдруг где-то через месяц слышу на лоджии странные звуки. Выхожу – а эта пакость регенерировала – и пытается присохшее к донышку брюшко освободить. Сюр нереальный! Ну и еще «милые» встречи со змеями были, когда Данов приносил свой улов из Айдере (в основном кобры) для передачи в серпентарий Володе Бабашу. Входишь в квартиру – а у порога на полу 3-4 шевелящихся мешка, в каждом из которых несколько кобр. Очень уютно...

Жизнь была не простой, конечно. И в психологическом плане, и адаптация к климату, и быт...

Первое время самым трудным было адаптироваться к жаре на фоне отсутствия воды. Воду привозили раз в неделю в водовозке – у нас в каждой квартире было по 30-литровой молочной фляге, ну и что еще из емкостей собрали (купить емкости в магазине было невозможно – не было!). Ну, что залили – то твое – на неделю – на всех и на все – питье, готовку, мытье посуды, мытье, стирку.... Сумбар не близко – к нему не подойдешь – и в реке вода как кофе с молоком, как ресурс воды не рассматривался. У 4-летнего сына подъем температуры от перегрева до 39 – его бы под душ – а нету воды. А до Вира, где арык есть – 4 км через поселок, до бассейнов на Пархасе – 7 км. Со стиркой (по крайней мере с полосканием) туда и ходили. Потом приспособились. В сентябре мы с Забелиными построили хаудан (емкость для воды на полтонны). Причем бетонную плиту, кирпич, цемент купили достаточно быстро – а вот проблема была.... с песком! В Кара-Кале почвы глинистые, песок надо привозить из пустыни – за Кызыл-Арватом -70 км. Тогда уже технические полтонны заливали раз месяц платно, а емкости заливали по возможности «сладкой» водой – с Багандара – на чай. Но с большой стиркой все равно старались ходить полоскать к источникам, а уж с пеленками (памперсы не существовали в принципе, понятия такого не было!) – я просто системно ходила на Пархай: дочку в кенгурушке на грудь, рюкзак с пеленками на спину – и вперед – к сливной из бассейна трубе. Иногда было счастье – этот же маршрут не пешком. Зато после сероводородной воды все отбеливалось отлично.

Добывание еды тоже было отдельной проблемой – как теперь говорят, квестом. Рынка в поселке не было (т.е. какую-то зелень можно было купить в Ашхабаде – 300км. А как добираться?). Основной ассортимент в магазинах – завтрак туриста («ланчен мит»), сайра (язвы у коллег обострялись после экспедиционных выездов), томатная паста, вермишель третьего сорта (серая и клейкая). Был ВИР – с возможностью в сезон аврально купить нереальное количество фруктов и заготовить – но лимитировал сахар (выделяли 1 мешок на семью – без вариантов) и банки. Самым ценным были гречка и чай со слонем, которые нам собирали в Москве. Остальное надо было как-то добывать. Но приспособились – ответственность за детей! - и многие, чуть позже проезжавшие через Кара-Калу эти прелести прочувствовали в значительно ослабленном масштабе. Хотя что только не ели – и Бабаш гюрз – отход серпентария - привозил («эти не жильцы – не пропадать же»), и напавших на мотоциклистов в адырах одичавших алабаев, и диких котов (принесли погибшего Серею на чучело). Только если приходили на общий

ужин соседи (телевизионщик Берды очень любил, например) – предупреждали, что сегодня на столе – а то вдруг им, как мусульманам, это нельзя...

В наших двух с Забелиными квартирах, как я уже упоминала, обитало одновременно до 8-10 человек-пар, потом постепенно частично «рассосалось» - Феты уехали в Айдере, кто-то на кордоны заповедника, несколько человек/семей на Пархай в вагончики (во всех этих местах хотя бы проблем с водой не было). Но в любом случае мы совмещали коммунальное жилье с такседермичкой (Сергей - масса «приятных запахов»), гербарной (Нина), лабораторией (Свет), и приежкой. Причем обитало у нас от 2-3 до 20 человек – разложенных на полу повсеместно. Конкретный пример: родила я дочь 25 февраля, выписалась из род-дома в первых числах марта – в середине мая уехала в Москву с дочкой к умиравшему отцу. Так вот за неделю до отъезда меня «достало» – я завопила – «Хочу четвертый «семейный день»!» Т.е. за 2 с хвостом месяца, при 6-летнем сыне и новорожденной дочке – у нас было 3 дня, когда у нас никто дополнительный, кроме собственно членов коммуны, не жил...

Отдельная прелесть – мухи (а отнюдь не ядовитые животные). По норме выгребной туалет (простите за прозу) строится на определенном расстоянии от жилого дома. Но наш дом был построен между ранее построенными домами и их 8-очковым туалетом. А августе 1980-ого Сергей добыл подсвинка (за сутки коммуна его съела!), и положил череп «мзгнуть» в ведре на лоджии. А нас в это время пустили к себе Бурнашевы пожить с сынишкой – они поехали в Москву на Олимпиаду, домик пустой – а там же тень и арык – счастье! И шел поток студентов на практику. Они останавливались в нашей квартире, что-то готовили, ели – и уезжали на территорию заповедника – практика! Следующие приезжали – брали следующую чистую посуду (не мыть же! И вода дефицит...) Ну и т.д. Где-то после недельного отсутствия пришла я в микрорайон. Далее включайте воображение. К счастью, что-то типа дихлофоса в магазине Хасар было. Посуду замочила во всех возможных емкостях, засыпая ядреным местным стиральным порошком, все окна закрыла, череп вынула сохнуть и выдула полный флакон дихлофоса. На следующий день пришла снова и вымела две трети ведра мух. Процесс повторяла трижды.... А вы говорите – ядовитые животные.... Мухи!!!

Очень «уютным» был процесс изготовления объемного макета заповедника из папье-маше (Сергей делал – это была его работа в рамках подготовки экспозиции музея. И, конечно, тоже в нашем жилье. Сначала из пенопласта – слоями – делался объемный рельеф местности. Потом поверх рваная

газета-клейстер – слоев 10. Потом раскраска, песок на клей по поверхности. Площадь макета приблизительно метр на два с хвостом. Еще в 2005 он висел в конторе заповедника! Но сушить этот клейстер при помощи 3-4 дующих электрообогревателей на фоне температуры на улице +40 ... Т.е. в комнате было около 60 с запахом клейстера. Очень уютно – особенно при токсикозе, который у меня образовался.

Может быть этим вопросам стоит уделить чуть больше внимания – просто чтобы те, кто читает, получили какое-то представление о нашей реальности. Таких зарисовок может быть очень много – но уже остановлюсь – если еще напишется – то, наверное, не сюда.

16. **Главный итог десанта для Движения, общества и вас лично.**

Для общества – мне кажется, что десант сильно изменил мировоззрение и самих участников десанта, способствовал более серьезному осмыслению и жизни, и природоохранных целей. И очень сильно изменил отношение к своей же природе у местных - в древних традициях народа отношение было гораздо более «экологичным», но в значительной степени это утеряли – снятие запретов, техника, нелимитированная вода из скважин, и т.д. Очень много подтверждений того, что нас помнили и помнят получала от местных все эти годы при совершенно неожиданных обстоятельствах.

Для Движения – я думаю, что «десант» стал явлением – которое может быть очень позитивным ориентиром для дружин и дружинников, объединяющим собственным примером.

Ну а для меня лично – я уже написала в пункте 13 и 15 – этот период помог мне окончательно сформироваться как личности и специалисту, определил всю мою дальнейшую работу – очень важную часть моей жизни.

Д
а
н
н
а
я

а
н
к
е
т
а